

Российская археология в чёрно-белую полосу

(развивая критику Л.С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношения к ней дипломированных археологов)¹

*«За тёмные делишки,
За то, о чём молчок,
За хитрые мыслишки,
Что нам пошли не впрок,
Мишенью нас избрали
Параграфы статей...»*

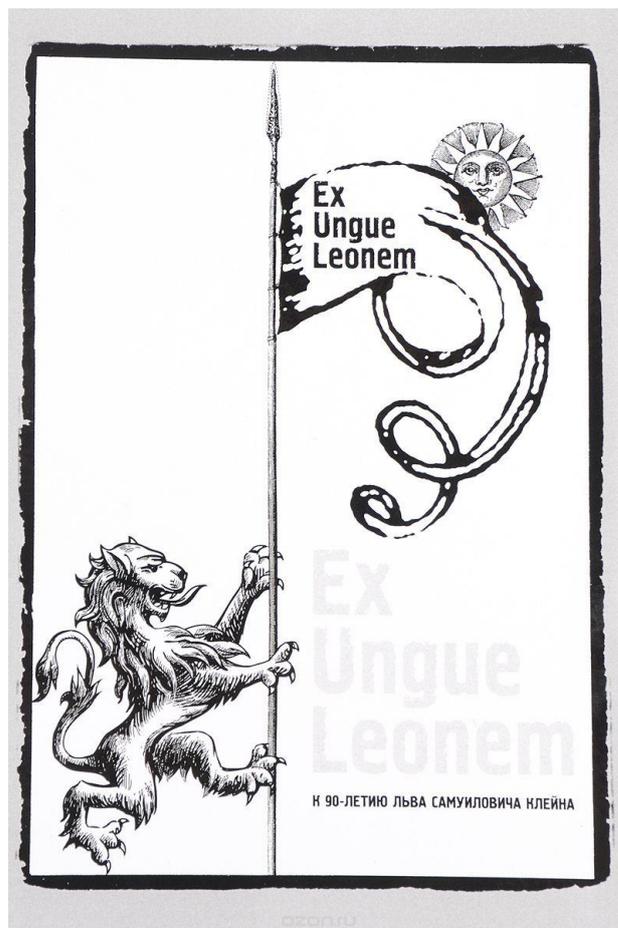
*Д.Р. Киплинг.
Изгои.*

Литературно-публицистический темперамент Л.С. Клейна не позволил ему избежать участия в одной из самых острых дискуссий последних лет — о так называемой «чёрной археологии», а точнее говоря, о самом масштабном в истории разграблении памятников археологии, происходящем в Российской Федерации начиная с 1990-х годов и по сию пору (Клейн 2013: 12). Его выступление на эту тему предельно доказательно объясняет любому непредубежденному читателю всю неправоту и преступность призывов как-то легализовать незаконную добычу древностей. Однако отношение профессиональных археологов к своим конкурентам — самовольным копателям и полуподпольным торговцам антиквариатом изображается Львом Самуиловичем упрощённо, как однозначно отрицательное. Между тем ситуация здесь более сложная и хотя меняется в лучшую сторону, но с большим запозданием и очень медленно. К тому же со времени выступления Льва Самуиловича произошли такие существенные изменения российского законодательства относительно охраны памятников старины.

Заголовок моего сообщения на ту же тему перекликается с названием книги, посвящённой критике так называемой «фольк-истории», — «История России в мелкий горошек». Её авторы справедливо расценивают псевдоисторические опусы, заполонившие читательское и зрительское внимание, как «глобальный вред для ума» и «урон для культуры» (Володихин, Елисеева, Олейников 1998: 8). Ситуация с общественной трансляцией археологического знания складывается похожая, только, на мой взгляд, гораздо более опасная. Ведь на ниве памятников археологии теория

¹ Предыдущая публикация: *Щавелёв С.П.* Российская археология в чёрно-белую полосу (развивая критику Л.С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношение к ней дипломированных археологов) // *Ex Ungve Leonem.* Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. *Л.Б. Вишняцкий.* СПб., Нестор-История, 2017. С. 345–355.

(то есть информация о них) сегодня прямо и все интенсивнее переходит в варварскую практику их самовольного поиска, разрушения и разграбления. Между тем позиция и учёного сообщества, и государственных органов, и средств массовой информации в отношении так называемой «чёрной археологии» остаётся, к сожалению, до сих пор по преимуществу пассивной. Больше того, в целом ряде случаев происходит вольное или невольное сращивание, так сказать резонанс, идейный и организационный, официальной (музейной, университетской) и «теневой» (криминальной) археологии. Метафорой столь противоестественного, «полосатого, как зебра, кентавра» служит заглавие нижеследующих заметок.

Обложка сборника в честь 90-летия А.С. Клейна.

Первоначально мои возражения против криминальной археологии на материалах из Курской области и соседних с ней регионов публиковались журналом «Российская археология» в материалах «круглого стола» «Незаконные раскопки и археологическое наследие России» (Щавелёв, 2002: 85–89).

В ответ на эту публикацию кандидат исторических наук А.В. Зорин от лица директора и учёного секретаря Курского областного музея археологии высказал на страницах «Российской археологии» свою аргументацию в пользу того, что учёным и музейным работникам необходимо общение с «чёрными археологами». Доводы сводятся к следующему: ради спасения для

науки информации о ценных, нередко уникальных находках приходится консультировать грабителей, принимать на экспертизу их находки, не мешать их разрушительной деятельности (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, 2004: 120–121).

А в следующем выпуске этого же журнала была опубликована диаметрально противоположная зоринской по своим выводам и аргументам статья В.С. Флёрова. Эти выводы и аргументы полностью совпадают с моей позицией, обнародованной на упомянутом «круглом столе» 2002 года. В.С. Флёров абсолютно верно призывает нас признать: «... Соучастие учёного в торговле древностями — это вопрос не только юридический, но и профессиональной этики». Цитируется «Кодекс профессиональной этики» Международного совета музеев за 1986 год. В частности: «Музейные работники не должны атрибутировать или иным путём определять аутентичность предметов, в отношении которых может возникнуть подозрение, что они нелегально или незаконно приобретены...» (Флёров, 2004: 121).

Прошло ещё лет десять, пока руководство «Российской археологии» пришло к такому же выводу и перестало принимать к публикации статьи, где при ссылках на археологические находки есть сомнения в их происхождении. В «Правилах для авторов» этого журнала наконец-то появился соответствующий пункт: «К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путём без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или же не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения желательно)». Однако в многочисленных монографиях и сборниках научных трудов сотрудников государственных университетов и институтов РАН ссылки на явно незаконные находки древности продолжают присутствовать в изобилии, застенчиво именуясь «случайными находками» или «дарами коллекционеров». В этом качестве нередко фигурируют фотографии-сканы, а местонахождение самих находок чаще всего остаётся неизвестным («из частной коллекции»).

Жизнь, как мне представляется, рассудила наше разногласие с курскими музейщиками и другими сторонниками сотрудничества настоящих учёных и «чёрных археологов». Вот что пишет публикатор очередных монетных находок: «Опасность складывающейся ситуации состоит не только в том, что, меняя владельцев, монеты безвозвратно теряют "паспортные данные" о своём происхождении, но и в том, что вымышленные сведения о месте обнаружения сребреников могут попадать в научную литературу. В качестве примера можно привести публикацию в журнале "Российская археология" (№ 1 за 2004 г.), где приведены недостоверные сведения о находках двух сребреников князя Владимира в Курской области (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, 2004: 120). Информация об одной из монет почёрпнута на сайте "Кладоискатель Черноземья", где было указано неверное место её обнаружения (близ д. Банищи) для направления по ложному следу

конкурирующих кладоискателей из других регионов. В случае с другим сребреником, публиковавшимся ранее в журнале "Нумизматический альманах" (Молчанов, Селезнёв, 2000: 15–16) и якобы найденном на Бесединском (Ратском) городище в Курском районе, сама подлинность монеты вызывает большие сомнения» (Зайцев, 2007: 6).

В процитированной работе В.В. Зайцева содержится наблюдение, которое почти экспериментально подтверждает, археологи каких регионов нашей страны теснее всего ассоциированы с грабителями памятников старины, и к чему это приводит. За последние 10–15 лет, отмечает этот автор, количество находок древнейших русских монет X–XI веков в сравнении с предыдущими годами значительно возросло. «Значительная часть ... монет происходит с территории современных Брянской и Курской областей Российской Федерации. ... Находки сребреников в этих областях были известны и ранее. ... В последние годы количество находок резко возросло. Так, за прошедшие 5–7 лет только в Брянской области было обнаружено не менее 15 экз. древнерусских монет. Однако большая их часть известна только по фотографиям и изображениям на интернет-сайтах» (Зайцев, 2007: 7), так что проверить их на подлинность затруднительно.

Не об этом ли я предупреждал на «круглом столе» 2004 года и в других своих публикациях последующих лет (Щавелёв 2009; 2010)? Об этом самом — нельзя верить «чёрным археологам»; они то и дело обманывают музейных работников относительно мест и обстоятельств своих находок; могут их фальсифицировать; утаивают от музеев самые ценные находки, чтобы продать их подальше и подороже.

Александр Васильевич Зорин — главный хранитель курских древностей на своём рабочем месте в КГОМА. Фото с его сайта.

На книжном рынке современной России за последние годы распродано несколько переводных и доморощенных изданий о кладоискательстве, написанных в квазинаучной манере. Еще больше имеется интернет-ресурсов той же направленности. Так подрабатывают неразборчивые в темах журналисты либо сами активисты «чёрной археологии». Но одну из нарядно изданных книжек на эту тему написал не кто-нибудь, а доктор исторических наук, специалист по отечественной историографии, профессор Вятского педагогического университета В.А. Бердинских, который известен своими основательными монографиями — об уездных историках XIX в., Вятском лагерном комплексе, спецпоселенческом контингенте ГУЛАГа, по устной истории страны в преданиях колхозного крестьянства. К тому же перед нами член Союза писателей и журналист со стажем, что для такой экзотической темы, как клады, немаловажно. Издательская аннотация адресует книгу не только «историкам и краоведам», но и «любителям поисков и рискованных путешествий» (Бердинских, 2005: 4). На первых же страницах автор уточняет избранную им аудиторию — это, оказывается, отнюдь не коллеги-историки да музейщики, чьи профессии на нынешнем безденежье науки и культуры в нашей стране якобы вырождаются, а именно начинающие кладоискатели. «Убогое финансирование музеев, археологических институтов привело к тому, что в общество потёк ручеек ценностей из краеведческих музеев, картинных галерей, археологических раскопок. ... Теневой рынок

антиквариата процветает. За металлоискатель берутся всё новые отряды молодёжи. Для них и написана эта книга» (Бердинских, 2005: 11). Написана, скажу сразу, не столько затем, чтобы предостеречь от опасного и незаконного занятия, сколько в качестве поощрения к таковому и, что самое печальное, ради ориентировки на наиболее археологически перспективные места использования металлоискателей.

*Валерий Сергеевич Флёров на спасательных раскопках
Правобережного Цимлянского городища. 2008 год.
Фото с сайта Sarcel.ru*

Отмечая районы наибольшего отложения кладов в те или иные эпохи, автор вслед за официальными археологами зовёт туда же «археологов чёрных». «Там, где больше было археологических и прочих раскопок, найдено больше кладов» (Бердинских, 2005: 31). «...Детальное изучение, например, торгового пути "из варяг в греки" очень много даёт не только археологу, но и любому кладоискателю» (Бердинских, 2005: 34). А «сройте до основания землю Старой Рязани, Владимира или Суздаля — и вы найдёте гораздо больше кладов» (Бердинских, 2005: 32). «Вообще территория бывших кремлей русских городов исключительно кладоносна. Нередко

сейчас в этой зоне нет жилых домов, а археологи раскопки вообще не ведут. ... Места вблизи земляных валов, городских стен — очень перспективны в отношении поиска кладов» (Бердинских, 2005: 41). «В южных степях, — напоминает сегодняшним поисковикам, — рыли курганы, на севере обследовали древние лабиринты, в лесах — памятные кресты на перекрёстках дорог и так далее» (Бердинских, 2005: 173). «Немало кладов скрывают старые разрушенные церкви, храмы, монастыри» (Бердинских, 2005: 170).

«Практическая» направленность книги нарастает от главы к главе и достигает своего апогея в последней главе — «Кладоискатели XX века» и в Заключение. Последнее хотя и названо «Миражи и мифы русского кладоискания», но содержит перечень наиболее известных кладов России (от легендарной библиотеки Ивана Грозного до основательно затерянной Янтарной комнаты, включая и реальные клады археологического характера вроде восточного серебра, монетного и посудного; даже «золота скифских, сарматских и сибирских курганов»). Тем, кто проживает далеко от предполагаемых мест упокоения крупнейших кладов, автор предлагает «искать клады недалеко от дома. ... Проверьте ... собственный огород... Обойдите по берегу высокий склон реки, осмотрите осыпи. Найденная в речке монетка подарит вам больше радости, чем внеочередная премия по службе» (Бердинских 2005: 208). О том, что на указанных местах находки «монеток» и прочих древностей почти наверняка располагается культурный слой, древние поселения и могилы, охраняемые законом от расхищения частными лицами, книга умалчивает.

Специальный раздел составляют «Практические советы начинающему кладоискателю». Оказывается, подземными кладами надо считать только те, что залегают на глубине более трех метров. Такие пусть ищут опытные кладоискатели. «Ваше дело, — наставляет широкого читателя В.А. Бердинских, — это поверхностные клады: в зданиях, верхнем слое грунта. Их поиск не требует больших начальных затрат. ... Шансы на успех есть в любом регионе России. Очень важную роль при поиске конкретного клада играет предварительная проработка материалов в библиотеке и архиве ..., занятия историей родного края ... Поиск мини-кладов вполне по силам любому человеку, купившему простейший миноискатель и за пару часов его освоившему. Очень интересны древние пещеры. Жизнь была ключом и на подступах к ним» (Бердинских, 2005: 205–208); и т.д., и т.п.

Иначе как реквизицией по научной археологии и национальному музейному делу эти заливчатские подсказки разрушителям культурного слоя и не назовёшь. А завершается данный раздел «истории русского кладоискательства» таким вот пассажем: «Будем надеяться, что в России на смену хмурым и оборванным одиноким волкам и браткам в джипах придут добродушные бюргеры с милым походом выходного дня» (Бердинских, 2005: 208) — за всеми теми монетными и вещевыми кладами, которые автор довольно подробно рекомендует их вниманию. Раз «на Западе

кладоискательство давно стало развитой отраслью индустрии досуга со своей инфраструктурой: периодикой, техническим обеспечением, лавиной пособий, карт, справочников», то негоже России отставать и в этом отношении... «От 5 до 10% населения могут реализовать эту свою склонность в благоприятных условиях» (Бердинских, 2005: 6). То есть этот автор, дипломированный историк в своих мечтах видит на «русском поле» миллионы людей с миноискателями!..

Основная для историографа сторона проблемы — как российское государство и общество относились к поискам и находкам кладов на разных этапах отечественной истории — прослежена автором далеко не полно. Эпидемии кладоискательства вспыхивали и гасли не всегда и не во всех регионах России, служили явственной приметой маргинализации отдельных личностей и малых социальных групп (пресловутых сибирских бугровщиков или же крымских «счастливиц»). У В.А. Бердинских же получается, что русский человек — прирождённый кладоискатель и тем самым культурный герой. Неоднократно цитируя крестьянские, по сути языческие поверья на сей счёт, автор оставляет в стороне позицию православной церкви, запрещавшей осквернять любые могилы, тем более в поисках сокровищ.

По сути дела обойдена в книге и миссия первых поколений наших археологов, в своё время перешедших от сугубо коллекционерского, знаточеского восприятия кладов к их научно-историческому анализу и комплексной музеефикации. Примерами расхищения и утраты кладов «история» В.А. Бердинских изобилует, а вот фактов спасения найденных ценностей для музея, университета в ней не найдёшь (хотя и таких случаев, по сути подвигов честных и образованных людей, в нашей истории сыщется немало).

Издатель Захаров, вероятно, рассчитывал на успешный сбыт трёхтысячного тиража, и не без основания. Автор и издатель завершают книгу совместным обращением к «дорогим читателям». Их просят присылать в издательство любые материалы для подготовки «нового документального издания «История России в кладах» (Бердинских, 2005: 239). Но, несколько раз упоминая о том, что клад — важный источник изучения родной истории, В.А. Бердинских ведь так и не раскрывает элементарных условий, при которых находка спрятанных когда-то вещей способна дать такого рода информацию. В действительности каждому мало-мальски образованному читателю должно быть ясно, что любой клад, не дошедший до учёных и музейных работников, безвозвратно потерян для науки и культуры. Никакой истории по разрозненным и беспаспортным вещам из антикварных лавок или частных коллекций изучить невозможно. Живописуя, как его родной дядя нашёл монетный клад идеальной сохранности, автор ни слова не говорит о том, куда его передали. По всей видимости, он оказался незаконно присвоен находчиком. Чего тогда стоит следующая за этим сюжетом декларация о том, что «любой монетный клад — это история села, города, страны определённого времени» (Бердинских, 2005: 186).

Вся книга только отпугивает потенциальных находчиков кладов от общения по их поводу с «алчным государством» или «растяпами-археологами». С точки зрения этого доктора исторических наук, профессора, «грань между вещами, относящимися к памятникам истории и культуры и не относящимися, часто провести очень затруднительно» (Бердинских, 2005: 203). После таких заявлений, ясное дело, ему «не видать находчиков кладов, штурмующих двери властных структур с желанием сдать клады». Между тем кроме тривиальной жадности у многих нормальных людей присутствует здоровое честолюбие. Увидеть свою находку, в огромном большинстве случаев вовсе не драгоценную, на витрине музея или на книжной иллюстрации для этих людей гораздо важнее, чем разжиться не принципиально великой суммой денег на её продаже. Поэтому, хотя археологических находок несут в музеи для жертвования или продажи то больше, то меньше, полностью этот ручеек никогда не иссякнет.

После всего процитированного мной из его книги уже не удивляет пристрастное отношение автора к археологам и музейным работникам. По мнению В.А. Бердинских, «вся археология — наука о мёртвых вещах. Ведь утеряны отношение, чувство, жизненное предназначение вещи» (Бердинских, 2005: 31); «предметы давних эпох, выставленные в музеях, вообще мертвы и не могут рассказать нам сегодня практически ничего о своих владельцах» (Бердинских, 2005: 6). Получается, что учёные только омертвляют древности, а вот кладоискатели мистическим образом пронцают завесу времен... Между тем всё путное, что в этой книге всё-таки сказано о времени, причинах выпадения разного рода кладов, их составе и социально-историческом значении, заимствовано, понятное дело, из работ историков и археологов. Хотя автор книги о кладоискательстве не знаком со многими принципиальной важности их работами на его тему.

В книге есть раздел: «Что думают "чёрные следопыты" об археологах?» Цитируя кладоискательские издания, автор явно сочувствует их идеологии. Оказывается, «расхищение материалов археологических раскопок поставлено на поток» (Бердинских 2005: 196). Ими будто бы всю торговлю и студенты, проходящие там практику (таких студентов автор «видел сам»); и начальники раскопов («одна монетка — бутылка» водки) и «высшая каста — руководители музеев и экспедиций». Автор, правда, делает оговорку, сквозь зубы признавая: «худо-бедно, но науку и культуру двигают всё же археологи». Доверчивому историку не приходит в голову, что многие тексты на кладоискательские темы — не более чем плод досужей фантазии подрабатывающих «жёлтой» журналистикой субъектов.

Апофеозом авторских претензий к учёным является раздел «Что думают археологи о "чёрных следопытах"?» Здесь выборочно пересказаны материалы вышеупомянутого мной «круглого стола» на тему «Незаконные раскопки и археологическое наследие России», состоявшегося в редакции «Российской археологии» в 2002 году. По мнению В.А. Бердинских, никто из участников того мероприятия «не поднял вопросов о неблагополучии с

этикой самих археологов»; о «заржавевшем механизме официальных археологических структур» (Бердинских 2005: 200).

Печать Ратибора. Как посадник в Тьмутаракани упоминается около 1078–1113 годов. На одной из сторон — погрудное изображение св. Климента, Папы Римского. См. подробнее в кн. В.А. Янина и П.Т. Гайдукова «Актовые печати Древней Руси X–XIII веков» (М., 1998).

Слава богу, в книге имеется послесловие, написанное А.А. Формозовым — «Люди ищут клады». Отдавая должное труду В.А. Бердинских, он как профессиональный археолог, с присущей ему принципиальностью оговаривает самые важные моменты поднятой темы:

«Сребренник Ратибора» — новейшая фальшивка. Фото с одного из сайтов по продаже металлоискателей.

- кладоискательство — отнюдь не безобидное занятие романтической молодёжи, а нечто предосудительное, даже преступное;

- спасти для науки и культуры памятники старины могут только настоящие археологические раскопки, а кладоискатели всегда эти памятники разрушают;
- они вовсе не помощники и не заместители учёных археологов, а преступники; ими движет не романтика, а самая заурядная корысть; из-за них культурное наследие России несёт невосполнимые потери.

На раскопках раннеславянских курганов в селе Артюшкове под Рыльском. 1995 год. Слева направо (от зрителя): А.В. Зорин (опирается на лопату), А.А. Федин (в бурнусе), начальник экспедиции В.В. Енуков. Фото автора.

«Вот почему вспыхнувшее в нашей стране кладоискательство надо не поощрять, а всюду и категорически пресекать» (Бердинских, 2005: 236). Все ли читатели книги, изданной трёхтысячным тиражом, прислушаются к этим выводам А.А. Формозова? А не разделят ли они прямо противоположный манифест автора нелепой книжки и её издателя, согласно которым «клад — это игра, столь нужная человеку в нашем обществе, зажавшем его в тиски мощной индустриальной цивилизации» (Бердинских, 2005: 239)?

Единственный мне известный случай, когда Александр Александрович Формозов благословил своим именем и словом ужасно антинаучное сочинение. Как видно, ничто человеческое было не чуждо даже ему, вообще-то непримиримому блюстителю нравов в нашей гуманитарной науке, но в силу стечения обстоятельств своей биографии человеку бездетному, опекавшему поэтому провинциального краеведа Витю Бердинских как родного. А они оказались абсолютно разными по духу людьми.

Упомянутые в печати и в Интернете незаконные находки древностей означают, что местные и приезжие кладоискатели уже не довольствуются отдельными памятниками, где недавно поработали официальные археологи (и тем волей-неволей засветили их местонахождение). Грабители теперь пошли-поехали *по всем без исключения памятникам*, нанесённым на доступные им археологические карты.

Кроме примитивных ям-закопушек, вырытых на памятнике произвольно по данным детектора, все чаще грабители закладывают вполне правильные археологические раскопы, выбирая вещи по квадратам, слоям — ведь на подпольном рынке антиквариата стали особенно цениться археологические комплексы находок. Систематические рейды «чёрных следопытов» способны навсегда стереть с археологической карты целые субъекты Российской Федерации. Таков должен быть правдивый вывод из новейшей истории отечественного кладоискательства. Однако автор рецензируемого издания его не сделал. Неразборчивый в выборе художественных приёмов беллетрист на сей раз победил в нём историка.

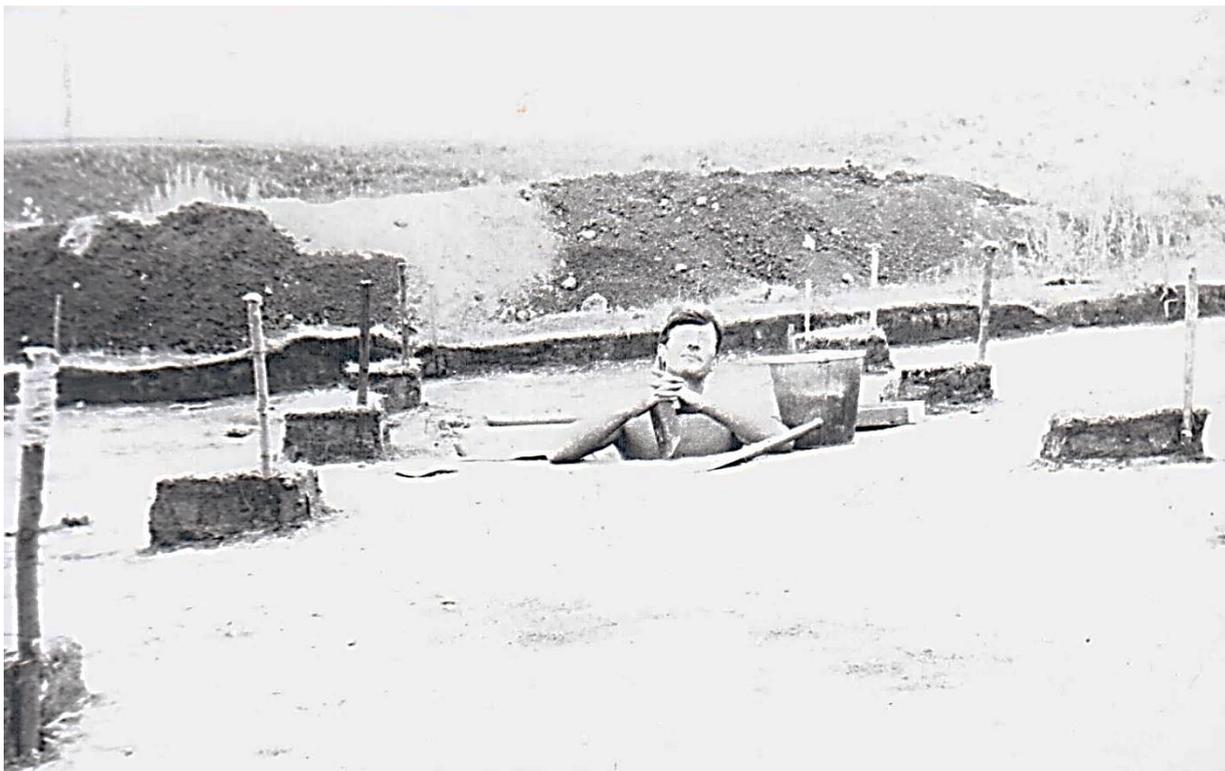

А.Н. Апальков и В.В. Енуков в разведке археологических памятников Курской области. Середина 1990-х годов. Фото автора.

Кладоискательский клич профессора Бердинских подхвачен не только в Интернете, но и в бумажной литературе. Среди многих других выделяется своей опасностью книжка ещё одного по внешней видимости кастового историка (Станюкович 2010). Я узнал о ней из рецензии в номере «Книжного обозрения». Рецензента книжка очаровала: «Поиск старинных сокровищ —

дело завораживающее. Особенно если авторы обещают тексты с элементами документальности. ... Андрей Станюкович — доктор исторических наук, археолог, главный герой журнала "Родная старина", и гораздо больше, чем кокарды и рубли, ... его интересуют предметы, относящиеся к домонгольскому периоду Руси и неолиту». Интерес автора простирается до того, что им описаны соответствующие памятники и составлена карта «Чем богаты столичные окрестности». На схему Подмосковья положены фотографии типичных археологических находок — металлических украшений, предметов культа, быта с ... указанием их рыночной цены — от 500 рублей за екатерининский пятак до 100 000 рублей за «редкую чешуйку городского княжества XV в. (Шулаков 2011. 8). Перед нами ещё один оборотень в якобы академической мантии. Своим беллетристическим приёмом он обаял малограмотного журналиста, сотрудничающего с одним из самых культурных, по идее, печатных изданий нашей страны — газетой «Книжное обозрение» (почившей в бозе казённого патриотизма новейших времён).

Однако лжеучёным в области истории и археологии мало популярности среди любителей древностей. Некоторые из этих невежд жаждут академических лавров, признания себя настоящими учёными. Недавно увидела свет книга (Бабаев 2009), очень похожая на монографию по нумизматике: прекрасная полиграфия, с множеством иллюстраций, благодарности коллегам-коллекционерам и научным сотрудникам, включая довольно известных специалистов. Настораживает отсутствие указания редактора и рецензентов. Подавляющее большинство упомянутых в книге монет якобы тмутараканского чекана содержится в частных коллекциях. Каков среди них процент подделок, трудно сказать, но наверняка немалый. Например, так называемые «монеты боярина Ратибора» явно копируют давно известные специалистам печати этого киевского посадника в Тмутаракани. Как видно, «монеты Ратибора создавались именно по образу и подобию его печатей, имеющих идентичную структуру», только добавлю, не в древние, а в новейшие времена фальшивомонетчиками для сбыта на антикварном рынке. Не случайно столь явные новоделы «появились в середине девяностых годов» [прошлого века — С.Щ.] и «до недавнего времени эти чрезвычайно редкие монеты из-за их низкого качества и ещё более неудовлетворительной сохранности не публиковались» (Зайцев 2007, 8–10). Первая публикация, признавшая их древнерусскими денежными знаками, не убедительна (Бабаев 2009). Представить, что денежной эмиссией занялся бы не представитель княжеского Дома Рюриковичей, а кто-то из их подчинённых, для историка Руси невозможно — это противоречит всей системе научных знаний об её политической системе. На примере издания К.В. Бабаева видно, что иные коллекционеры подлинных и поддельных монет претендуют на научный статус, имитируют атрибуты профессиональной экспертизы своих сокровищ.

*Автор в расчищенной зерновой яме на площадке Ратского городища под Курском.
1993 год. Фото автора.*

Отмеченные поползновения не слишком опасны для науки, ибо её настоящие представители хорошо разбираются в том, кто есть кто в их специальности. Гораздо хуже сотрудничество некоторых вполне профессиональных археологов с грабителями памятников старины выражается в следующих формах:

- пассивное отношение к замеченным участниками официальных раскопок на охраняемой территории лицам с металлодетекторами (нередко их приглашают в гости, к экспедиционному столу, расспрашивают о находках и т.д.);
- консультации и экспертиза незаконно выкопанных из культурного слоя вещей;
- публикация изображений награбленных вещей в своих работах;
- приобретение и бесконтрольное использование металлоискателей в официальных экспедициях по открытым листам.

В качестве примера всего только что сказанного приведу заявление такого рода: «Краеведом из Курчатова А.А. Катуниным в осыпях склонов городища собраны представительные материалы, которые он передал в Курский государственный университет» (Енуков, 2005: 263). Умолчанию подвергаются «методы» сбора — использование «краеведом» металлоискателя и, соответственно, лопаты для вырывания засечённых под землёй вещей. Судя по большому числу и малой величине находок, культурного слоя на упомянутом городище «краеведом» было перелопачено немало (найлены наконечники стрел и копьё, 14 бляшек от ременной

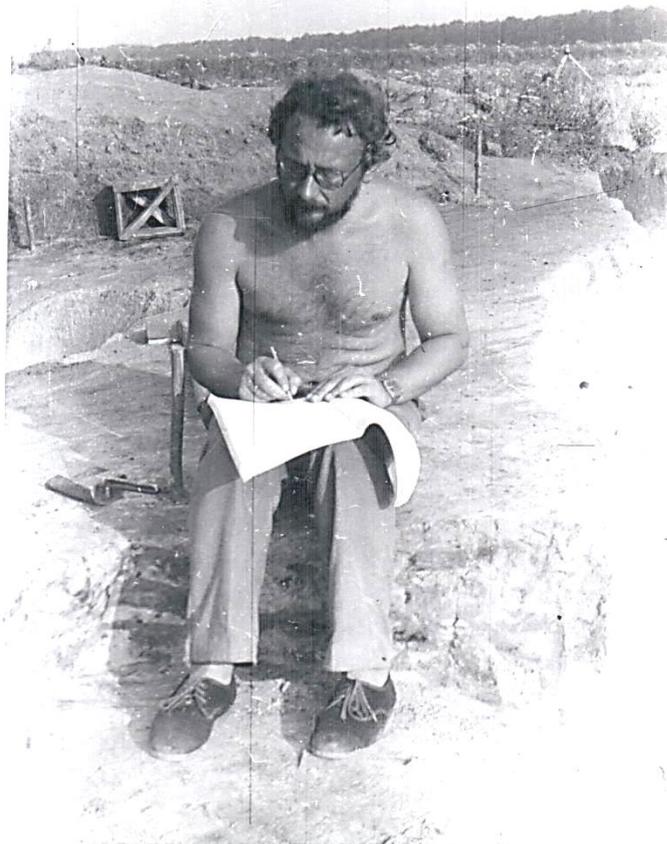
гарнитуры, серебряный перстень). «За кадром» цитаты остаётся и тот несомненный факт, согласно которому и упомянутый грабитель, и многие его «коллеги» по криминальной «археологии» идут по областным памятникам археологии уже не выборочно, а систематически — пользуясь приобретённой у тех же музейных археологов картой этих памятников. Следовательно, вскорости в Курской области уже не останется памятников старины с неповреждённым культурным слоем.

Сомнительные находки с кладоискательских сайтов обильно фигурируют также среди иллюстраций к «Очеркам истории Курского края с древнейших времён до XVII века» (Стародубцев, Зорин, Шпилёв, Щеглова, 2008: 268, 280, 292, многие др.). Причём повторяются злонамеренно ошибочные локализации монетных и прочих криминальных находок, вроде вышеупомянутых В.В. Зайцевым.

В иных случаях истинное происхождение и местонахождение вещей из грабительских «раскопок» авторами «Очерков» умалчивается (например, «печать..., XV–XVI вв., серебро, д. Липино (Октябрьский район Курской области)» (Там же. 371, рис. 72, 1). В других случаях глухо упоминаются «дары» соответствующего коллекционера награбленных древностей. Вот характерный пассаж: «К ордынскому времени относятся найденные там же (на территории Ратского археологического комплекса под Курском — С.Щ.) полностью собранный из обломков чугуна котёл диаметром 51 см (рис. 67, 5) и также фрагмент круглого зеркала... Ещё одно зеркало из оловянистой бронзы, найденное на поселении у Ратского городища, было передано в 2002 г. Курскому областному краеведческому музею. ... В 1990-х гг. здесь была найдена орнаментированная куфической вязью прямоугольная пластинка, а в 2002 г. в выбросе кротовины обнаружен ... золотой перстень, щиток которого украшала арабская надпись... В настоящее время эта редкая находка в фондах Курского областного краеведческого музея. ... В фондах Курского государственного областного музея археологии хранится и собранная [орфография издания — С.Щ.] на территории Ратского поселения коллекция джучидских дангов (49 экз.) и пулов (65 экз.)» (Там же. 355–356).

Итак, «найденные» «на памятнике» «вещи» переданы в музей. Давайте уточним. Кем найденные? Каким образом найденные? Где именно найденные? Какая же часть этих массовых находок в музей не передана? Как говорил булгаковский персонаж, «подумаешь — бином Ньютона!» Найдены упомянутыми по фамилиям или оставшимися анонимными грабителями памятников. Так, пресловутый чугунный котёл — «дар В.Н. Катышева» (Там же. 339). Найдены с помощью металлодетектора и лопаты. Территории Ратского и Липинского комплексов уже лет двадцать не пахуются их землевладельцами, поверхность там основательно задерновалась. Пока в начале 1990-х она была под пашней, археологи собирали там подъёмный материал. Несколько обломков чугунных ордынских котлов, отдельные монеты тогда попадались. Но извлечь археологически целый сосуд такого

размера можно исключительно с помощью металлодетектора, разрыв целую яму в человеческий рост. А для множества монет — множество ям. «Золотой перстень в кротовине». Эта фраза рассчитана на астрономическую наивность. Хотя по сути — воровская наглость.

В.В. Енуков заполняет журнал раскопок своей экспедиции в Липине Октябрьского района Курской области. 1990-е годы. Фото автора.

Какие ещё более редкие находки грабители утаили от археологов, можно отчасти узнать из кладоискательских ресурсов Интернета (см. упомянутые «Очерки» А.В. Зорина и его соавторов). Сравнение вещей, подаренных или проданных местному музею и утаённых для продажи на интернет-аукционах, однозначно показывает: сбываются в частные коллекции, в том числе за границу, безусловно самые ценные художественно и научно вещи. Курские археологи имели несколько случаев убедиться в этом, но продолжают сотрудничать с нелегальными поставщиками древностей. По принципу «с паршивой овцы хоть шерсти клок».

Автор на валу Липинского городища под Курском. 1990-е годы. Фото автора.

Сборы подъёмного материала, особенно по распахиваемой или иначе повреждённой поверхности археологического памятника, тем более находящегося в аварийном состоянии, — полноценный способ его научного изучения. Разумеется, при условии фиксации, музеефикации, а в идеале и публикации добываемого таким путём вещевого материала. Для учёного археолога так называемая «подъёмка» — сугубо вспомогательный приём, ценный лишь в комплексе с разведками, раскопками, картографической съёмкой и прочими составляющими научной методологии изучения и экспонирования древностей. Собиратель же дилетант ставит эту методику с ног на голову — в его руках бездумно вырытая из культурного слоя древняя вещь теряет едва ли не большую часть потенциально заключённой в ней исторической информации, да и, пожалуй, экспозиционной ценности. В конце концов, зачем научной археологии неизвестно откуда взявшиеся украшения или даже монета, пломба, когда однотипных с ними и без того множество в музейных собраниях? Тут, верно, отдельным археологам очень хочется отличиться — занять именно в «своём» регионе для публикации, экспозиции редкие находки.

Причём одно дело, когда Эрмитаж, Государственный Исторический музей, иное центральное учреждение культуры принимает на экспертизу и приобретает для своих фондов у частных лиц раритеты, чьё происхождение затерялось на просторах страны. Другое дело — провинциальный музей, одна из прямых обязанностей которого — мониторинг сохранности памятников старины в его так или иначе обозримой округе.

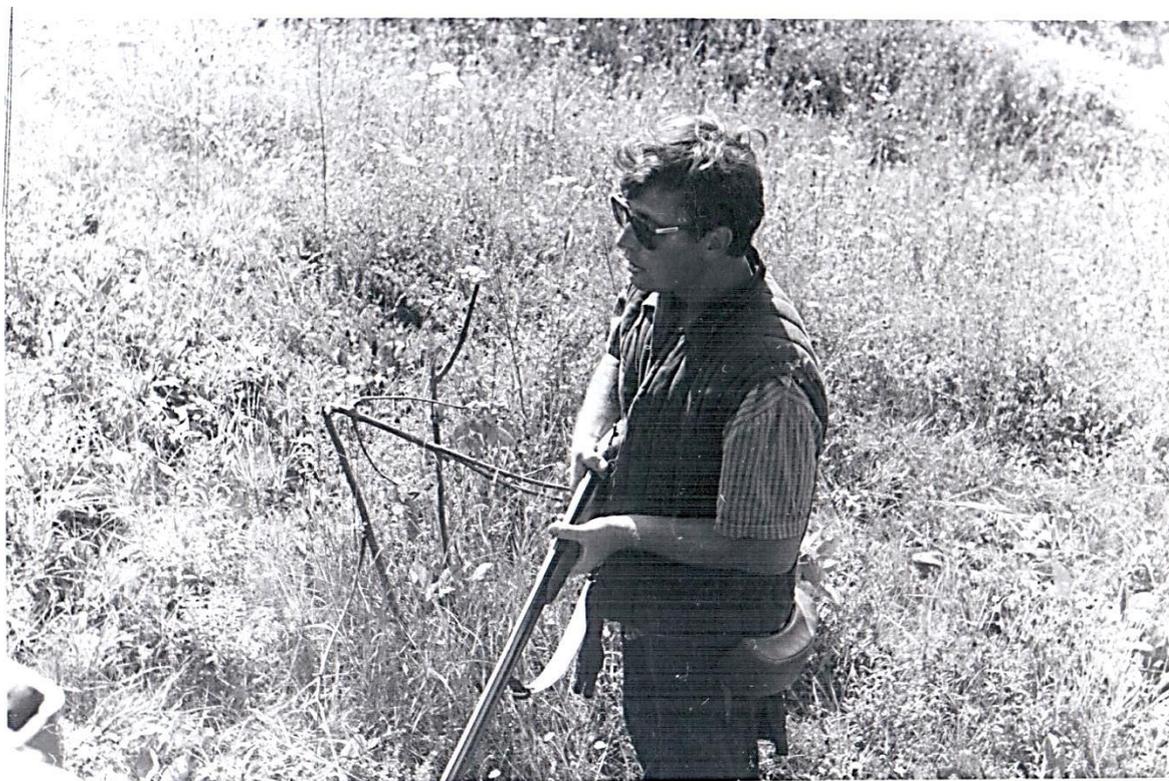

Доцент Л.Ю. Гусев (КГПУ) и автор на одном из городищ над рекой Свапой в Дмитриевском районе Курской области. 1990-е годы. Фото автора.

Вместо того чтобы привлечь заядлых коллекционеров и торговцев антиквариатом к ответственности за порчу археологических памятников, музей выполняет экспертизу их добычи с курских городищ, экспонирует её у себя для широкой публики; частично приобретает для своих фондов, включает в монографии и учебные пособия многочисленные изображения их «даров». Только на поверхностный взгляд приваживание государственными учреждениями кладоискателей да лидеров собирательских объединений оправдано задачей спасти для науки и культуры самую ценную часть их добычи. Рассуждая так, археолог покидает устои своей профессии и скатывается к давно устаревшему в научном плане коллекционерству, так называемому знаточеству. Вполне почтенное само по себе, любительское собирание древностей не должно, как известно, нарушать законодательства об охране национального достояния нашей страны. Вырванная из контекста культурного слоя памятника, а тем более из комплекса сопредельных находок вещь почти всегда обесценивается для науки.

В конце концов федеральные законодатели, наконец, внесли соответствующие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях. К этим последним приравнены покушения на памятники истории и культуры. Одна статья (7.15) предупреждает **«Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения»**, а другая (7.33) — **«Уклонение от передачи обнаруженных в результате**

археологических полевых работ культурных ценностей на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации» (Выделено мной — С.Щ.). Административные штрафы за указанные нарушения составляют для граждан от 15 до 25 минимальных размеров оплаты труда, а для юридических лиц — от 400 до 500. Разумеется, с конфискацией предметов, добытых в результате незаконных работ, также их инструментов и оборудования (Российская газета 2006).

Автор в археологической разведке по городищам Курской области от экспедиции Курского государственного педагогического университета. 1990-е годы.

Наконец, 23 июля 2013 года президентом был подписан Федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» (Официальный интернет-портал... 2013). Этот закон вводит уже уголовную ответственность для любителей «чёрной археологии». Теперь за их деятельность им может грозить шесть лет заключения. Новым законом вводится уголовная ответственность за незаконные поиски и изъятие различного рода археологических предметов из их мест залегания. Также «чёрных археологов» суды могут наказывать за уклонение от передачи государству артефактов, которые представляют особую культурную ценность. Кроме того, увеличиваются штрафы за уничтожение либо повреждение ценных археологических находок до 7 миллионов рублей. Ранее штрафные санкции составляли 500 тысяч рублей. Благодаря этому закону, памятники культуры и истории, историко-культурные заповедники,

объекты археологического наследия становятся самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны. Ещё в 2011 году Россия подписала Европейскую конвенцию, в соответствии с которой и потребовались определённые изменения федерального закона.

Профессор А.Н. Курцев (в спасательном жилете) и фокстерьер Хорт на реке Свапе под городищем Старый город в Дмитриеве Курской области. 2000-е годы. Фото автора.

И археологи, и самозванные поисковики в один голос заявляют, что закон об охране памятников существует, но не работает. В законе не прописаны все юридические тонкости задержания «чёрных археологов». Задержать «чёрного археолога», предъявив ему обвинение, можно только в том случае, если копателя задержали на месте преступления с поличным (на территории археологического памятника при повреждении культурного слоя) в присутствии сотрудников правоохранительных органов. Задержание «чёрного копателя» просто сознательными гражданами или самими археологами не может являться основанием для заведения уголовного дела.

Многие эксперты в целом поддерживают новый закон, но сомневаются в его эффективности. Сложно представить, что владельцы металлоискателей сразу же забудут о своём хобби либо поменяют способ заработка. По мнению экспертов, бороться с «чёрными копателями» необходимо лицензированием металлоискателей, а также введением санкций за укрытие ценных и древних находок, а не стандартной борьбой с любителями поживиться национальными сокровищами из-под земли.

Как бы там ни было, новый закон, плох он или хорош, не только обозначил проблему, но и инициировал правовые процессы, призванные пресечь такое позорное явление, как «чёрное копательство». Ведь теперь человек с металлоискателем и без открытого листа на археологическом памятнике никакой не «краевед», а правонарушитель. Ничем не отличимый от человека с отмычкой на складе чужого добра или в чьей-то квартире. А музейный работник, научный сотрудник, археолог, который консультирует такого незаконного поисковика, принимает его находки на экспертизу — его сообщник в административном правонарушении. По сути и букве закона — скупщик краденного.

Но те археологи, что стоят вне профессиональной этики, не отреагируют ни на какие меры убеждения, кроме административных. В числе этих последних напрашиваются следующие:

- *плановая сверка* археологических фондов музеев независимыми комиссиями, включающими в себя представителей соответствующих центральных ведомств и академических институтов;
- *инспекция* хода проведения раскопок по открытым листам и, попутно, состояния поставленной на охрану территории изучаемых памятников;
- *рецензирование* научных изданий по истории и археологии, содержащих ссылки на незаконно добытые древности;
- *согласование* замеченных нарушений законодательства и профессиональной этики с руководством тех учреждений науки и культуры, где трудятся специалисты, запятнавшие себя сотрудничеством с грабителями памятников.

Литература

1. *Бабаев К.В.* 2009. Монеты Тмутараканского княжества. М.: Древлехранилище.
2. *Бердинских В.А.* 2005. История кладоискательства в России. М.: Захаров.
3. *Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.* 1998. История России в мелкий горошек. М.: ЗАО «Мануфактура», изд-во «Единство».
4. *Енуков В.В.* 2005. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель. («Курский край». Т. III).
5. *Зайцев В.В.* О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М.: Древлехранилище. 2007.
6. *Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г.* О проблеме сохранения археологического наследия // Российская археология. 2004. № 1.
7. *Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилёв А.Г., Щеглова О.А.* Очерки истории Курского края (с древнейших времён до XVII в.). Курск: График.

8. Клейн Л.С. 2013. Археологи против «чёрных» // Троицкий вариант. № 123. 12.
9. Молчанов А.А., Селезнёв А.Б. Сребреник Владимира Святославича с Бесединского городища под Курском // Нумизматический альманах. 2000. № 4 (15).
10. Российская газета. 2006. 27 июля. № 162 (4128). 6.
11. Станюкович А. 2010. В десяти саженях отсюда. М.: Группа «Искатели», 2010. 192 с.
12. Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru> (www.pravo.gov.ru) 24 июля 2013 г.
13. Флёров В.С. 2002. Найдено на аукционе «Christie». Роль эксперта в торговле древностями // Российская археология. № 2.
14. Шулаков С. 2011. В поисках вчера (рубрика «Кладоискатели») // Книжное обозрение. № 4 (2302). 8.
15. Щавелёв С.П. 2002. [Выступление на заседании редакционной коллегии и редакционного совета журнала] Незаконные раскопки и археологическое наследие России. Материалы круглого стола, проведённого редакцией и редколлекгией журнала «Российская археология» // Российская археология. 4.
16. Щавелёв С.П. Новый этап фальсификации нумизматических источников по истории и археологии Древней Руси (По курским и брянским материалам) // Проблемы истории Центральной и Восточной Европы. Сб. научных статей. Брянск, РИО Брянского государственного университета, 2009. С. 184–191.
17. Щавелёв С.П. 2010. Областная археология в чёрно-белую полосу (О разграблении курских памятников археологии в 1990–2000-е годы) // Проблемы изучения и сохранения археологического наследия Центральной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения В.А. Городцова. Рязань, 20–22 апреля 2010 года. Рязань, изд-во РИАМЗ, 2010. С. 146–149.

Слева направо (от зрителя): В.В. Енуков, О.Н. Енукова, А.Н. Апальков на археологической экскурсии. Середина 1990-х годов. Фото автора.